

Эмиль Золя

Осада мельницы

Перевод с французского
Деборы Лившиц

ФТМ

Эмиль Золя
Осада мельницы

«ФТМ»

1880

Золя Э.

Осада мельницы / Э. Золя — «ФТМ», 1880

ISBN 978-5-4467-0653-2

«Осада мельницы», повесть выдающегося французского писателя Эмиля Золя, впервые вышла в составе сборника «Меданские вечера» в 1880 году. В произведении без прикрас показана война – ее бессмысленная жестокость противопоставляется чистой любви Франсуазы и Доминика и безмятежной красоте природы.

ISBN 978-5-4467-0653-2

© Золя Э., 1880

© ФТМ, 1880

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эмиль Золя

Осада мельницы

© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

I

В этот прекрасный летний вечер на мельнице дядюшки Мерлье готовилось большое торжество. Три стола, вынесенные во двор и составленные в длину, ждали гостей. Все в тех краях знали, что сегодня должно было состояться обручение Франсуазы, дочери Мерлье, с Домиником; парень этот слыл бездельником, но при взгляде на него у всех женщин на три лье вокруг загорались глаза – так он был хорош собой.

Мельница дядюшки Мерлье поистине радовала глаз. Она стояла как раз посредине Рокреза, в том месте, где большая дорога делает поворот. Вся деревня состоит из одной лишь улицы – двух рядов домишек, что идут по обе стороны дороги, но здесь, у поворота, широко раскинулись луга, а высокие деревья, растущие на берегу Морели, осеняют долины великолепной густой тенью. Во всей Лотарингии не найти более живописного местечка. Справа и слева вздымаются густые вековые леса, заливая пологие склоны целым морем зелени, а к югу расстилается сказочно плодородная долина, и пашни, разделенные живыми изгородями, уходят в бесконечную даль. Но главная прелесть Рокреза – в прохладе, царящей в этом зеленом уголке даже в самые знойные июльские и августовские дни. Морель берет начало в лесах Ганьи и словно напоена свежестью листвы, под которой она протекает на протяжении стольких лье; она несет с собой шепот, шорохи, холодную, задумчивую тень дубравы. И это не единственный источник прохлады. Тысячи ручейков поют свои песни у подножия деревьев; на каждом шагу выступают ключи; пробираясь по узким тропинкам, вы чувствуете, как подземные озера просачиваются сквозь мхи, пользуясь самой крошечной щелью – у подножия дерева, в расщелине камня, – чтобы разлиться прозрачными родниками. Рокочущие голоса всех этих многочисленных водяных струек так звонки, что они заглушают громкое пение снегирей. Вы попали в какой-то зачарованный парк, где фонтаны бьют со всех сторон.

Нижние луга насквозь пропитаны влагой. Гигантские каштаны отбрасывают черные тени. Длинная шуршащая завеса тополей окаймляет лужайки. Две аллеи огромных платанов пересекают поле и идут к старинному замку Ганьи, от которого остались ныне одни развалины. На этой обильно орошаемой земле трава достигает чудовищной высоты. Настоящий цветник, раскинутый меж двух лесистых холмов, но цветник естественный, где газонами служат луга, а деревья-колоссы похожи на огромные клумбы. В полдень тени под отвесными лучами солнца начинают синеть, трава дремлет, охваченная зноем, прохладный ветерок пробегает по листве, и она трепещет, словно от озноба.

Вот этот-то заросший буйной зеленью уголок и оживляла своим шумом мельница дядюшки Мерлье. Постройка, сооруженная из камня, теса и штукатурки, казалось, была стара как мир. Она по пояс купалась в Морели, которая, закругляясь, образует здесь прозрачную заводь. Тут была устроена плотина. Вода с высоты нескольких метров падала на мельничное колесо, и, поворачиваясь, оно скрипело и кряхтело, как верная служанка, которая состарилась на службе в доме. Когда кто-нибудь советовал дядюшке Мерлье сменить колесо, он качал головой и говорил, что новое будет ленивее старого, что оно хуже будет знать свое дело; и он чинил его, пуская в ход все, что попадалось под руку, – бочарные доски, ржавое железо, свинец, цинк. Разукрашенное травой и мхом, колесо принимало самую причудливую форму, и при взгляде на него делалось еще веселее. Когда же вода заливала его серебряным потоком, оно покрывалось жемчугом и его странный остов, мелькая, сверкал под ослепительным перламутровым убором.

Эта часть мельницы, купавшаяся в Морели, напоминала какой-то первобытный ковчег, потерпевший здесь крушение. Добрая половина здания была построена на сваях, вода забиралась под дощатый настил, где имелись дыры, хорошо известные в округе благодаря попадавшим в них огромным угрям и ракам. Пониже плотины заводь была чиста, как зеркало, и когда колесо не мутило ее своей пеной, в глубине виднелись целые стаи крупной рыбы, плававшей с

медлительностью эскадры. Сломанная лесенка спускалась к речке возле сваи, к которой была привязана лодка. Над колесом лепилась деревянная галерейка. Оконные ниши были прорублены несимметрично. Это было какое-то нагромождение закоулков, низеньких стенок, пристроек, балок и кровель, придававших мельнице вид старинной полуразрушенной крепости. Но постепенно разросся плющ, всевозможные вьющиеся растения закрыли чрезмерно широкие щели и закутали зеленым плащом старое строенье. Приезжие барышни зарисовывали мельницу дядюшка Мерлье в свои альбомы.

Со стороны дороги дом был более основателен. Каменное крыльцо выходило на большой двор, по обе стороны которого шли сараи и конюшни. Огромный вяз у колодца окутывал полдвора своей тенью. Дом стоял в глубине; над четырьмя окнами второго этажа возвышалась голубятня. Каждые десять лет дядюшка Мерлье считал необходимым перекрашивать этот фасад – таково было единственное проявление его тщеславия. Сейчас мельница как раз была выбелена заново и сверкала на всю деревню, когда в полдень ее освещало солнце.

Вот уже двадцать лет, как дядюшка Мерлье был мэром Рокреза. Все уважали его за богатство, которого он сумел добиться. Ходили слухи, что у него без малого восемьдесят тысяч франков, сколоченных по грошику. Когда он женился на Мадлене Гийяр, которая принесла ему в приданое мельницу, у него не было ничего, кроме пары рук. Однако Мадлене ни разу не пришлось раскаяться в своем выборе – так ловко сумел он повести хозяйство. Потом жена его умерла, и он стал жить вдовцом с дочерью Франсуазой. Он мог бы, конечно, уйти на покой, позволить мельничному колесу уснуть во мхах, но ему стало бы тоскливо, дом показался бы ему мертвым. И он продолжал работать – просто ради удовольствия. Теперь это был высокий старик с продолговатым серьезным лицом. Он никогда не улыбался, но в душе был человеком веселого нрава. В мэры его выбрали за его деньги, а также за важный вид, который он умел на себя напускать, когда венчал какую-нибудь парочку.

Франсуазе Мерлье недавно исполнилось восемнадцать лет. В деревне она не слыла красавицей, так как была довольно тщедушна. До пятнадцати лет она была просто дурнушкой. Никто в Рокрезе не мог понять, почему это дочь таких здоровенных родителей, как супруги Мерлье, растет до того хилой, что на нее жалко смотреть. Однако в пятнадцать лет, по-прежнему оставаясь хрупкой, девушка стала прехорошенькой. У нее были черные волосы, черные глаза и при этом – нежный румянец; ротик ее всегда улыбался; на щеках играли ямочки, а лоб был такой ясный, словно на нем лежал отблеск солнечного сияния. Хотя, по местным понятиям, Франсуаза и была несколько тщедушна, она все же не была худа, вовсе нет; правда, ей не поднять было мешка с зерном, но с возрастом она становилась пухленькой, а со временем обещала сделаться кругленькой и лакомой, словно перепелка. Вот только одно – постоянная молчаливость отца сделала ее не по годам рассудительной, и если она всегда улыбалась, то это для того, чтобы доставить удовольствие окружающим. В сущности же, она была степенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.